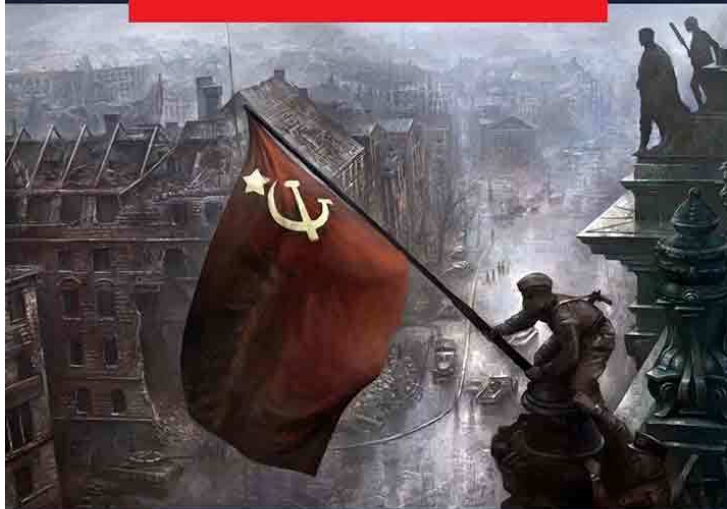

НИКОЛАЙ ПЛАТОШКИН

БОЛЬШАЯ ВОЙНА В ЕВРОПЕ

ОТ АВГУСТА 1914-ГО
ДО НАЧАЛА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Николай Николаевич Платошкин

Большая война в Европе: от августа 1914-го до начала Холодной войны

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50137154

*Большая война в Европе. От августа 1914-го до начала Холодной войны. / Платошкин Н.Н.: Книжный мир; Москва; 2019
ISBN 978-5-6042520-3-1*

Аннотация

В последние годы все чаще и чаще историки говорят о том, что Первая и Вторая мировые войны – всего лишь два этапа одной Большой мировой войны, полностью изменившей политическое лицо нашей планеты. В новой книге российского дипломата и политолога Николая Платошкина дана единая история этой Большой войны первой половины XX века от августа 1914-го до начала Холодной войны.

Первая мировая и Октябрь 17-го, межвоенный период с его подковерной борьбой разведок и идеологий, попытка реванша нацистской Германии, борьба стран Восточной Европы с жаждающими крови убийцами из УПА и начало попыток пересмотра Западом итогов Второй мировой – отражено в документах и фактах на страницах этой книги.

Содержание

Причины Первой мировой войны	4
Октябрь и революционное крушение империй в XX веке	21
Бременская советская республика 1919 года	35
Откуда «есть пошла» пятиконечная звезда	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Николай Платошкин

Большая война в Европе.

От августа 1914-го до начала Холодной войны

Причины Первой мировой войны

Первая мировая война 1914–1918 гг. ознаменовала собой наиболее радикальное территориально-политическое переустройство в Европе, стала катализатором мощнейших революционных потрясений во всем мире, вылившихся в образование первого социалистического государства. В глобальный военный конфликт оказались втянутыми 33 государства всех континентов. Численность призванных в вооруженные силы достигла 74 млн. человек, прямые и косвенные потери от боевых действий составили 20 млн. человек, еще столько же было ранено или покалечено. Прямые военные расходы воюющих государств превысили 208 млрд, рублей, или около одной трети мирового богатства того времени.

Подразумевается, что столь мощный и разрушительный конфликт должен был иметь такие причины, которые заставили участвовавшие в нем страны идти на риск полного вза-

имного уничтожения. Между тем ни причины Первой мировой войны, ни цели, которые ставили в ней основные участники, не позволяют сделать подобный вывод.

В конце XIX века в Европе (об условиях евроцентризма тогдашней системы международных отношений фактически в мире) впервые в истории сложилась система постоянных военно-политических союзов мирного времени. Если раньше военные блоки возникали для ведения конкретных коалиционных войн и распадались после их окончания, то теперь участники союзов стремились координировать свою внешнюю политику по всем направлениям на длительную перспективу. Сначала оформился союз Германии и Австро-Венгрии (октябрь 1879 года). Причиной здесь было перманентное противостояние России и Австро-Венгрии на Балканах. Если Петербург поддерживал национальные чаяния угнетенных Османской империей славянских народов полуострова, то Вена стремилась подчинить их своему влиянию. Эти противоположные концепции ярко проявились на Берлинском конгрессе 1878 года, который лишил Россию почти всех успехов, достигнутых в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Берлинский конгресс стал причиной ухудшения и до той поры практически бесконфликтных русско-германских отношений, так как Бисмарк фактически поддерживал на том форуме противников России. Германия же, не имея особых интересов на Балканах, шла там в фарватере политики Австро-Венгрии, так как нуждалась в сильном со-

юзнике в Европе против Франции.

Германо-французский антагонизм оформился после франко-прусской войны 1870–1871 гг., когда Германия аннексировала у западной соседки Эльзас и Лотарингию. Кстати, многие представители военно-политического руководства Германии предостерегали Бисмарка от этого шага, справедливо полагая, что тем самым Берлин создает себе «вечного врага». Действительно, в 1870–1914 гг. германо-французские отношения могут быть охарактеризованы как постоянная «холодная война», периодически грозившая вылиться в прямой военный конфликт.

Внешняя политика России в конце XIX века пыталась исправить две совершенные российской дипломатией кардинальные ошибки, которые привели в 1914–1917 гг. к крушению Российской империи. Во-первых, подавив в 1849 году восстание венгров против Австрии, Россия спасла от краха державу, ставшую основным соперником Петербурга в европейской политике в начала XX века и развязавшую Первую мировую войну. Во-вторых, дав разбить Францию в 1870 году, Россия содействовала образованию Германской империи, без помощи которой Австро-Венгрия никогда не решилась бы на войну в Европе.

После 1870 года Петербург несколько раз препятствовал планам Германии еще раз разгромить Францию, не желая допустить полной гегемонии Берлина в Западной Европе. Такая политика логически привела Россию к военному союзу

с Парижем, который был оформлен в 1891–1893 гг. и был прямо направлен против австро-германского блока. Для характеристики сложившейся в Европе в начале XX века системы военно-политических союзов следует особо подчеркнуть, что за исключением Германии и Франции крупные европейские государства не имели друг к другу территориальных претензий. Все противоречия касались разграничения сфер влияния и колоний в Азии и Африке. Так, например, именно размежевание сфер влияния позволило Англии и Франции сформировать в 1904 году военно-политический союз Антанту. Он был направлен против настойчивого стремления Германии получить «свое место под солнцем», а именно создать колониальную империю сходную по размерам с английской или французской. В 1907 году Россия и Великобритания разграничили сферы своих интересов в Персии, Афганистане и Тибете, положив конец вековому периоду вражды и недоверия между обоими государствами.

Таким образом, к 1907 году окончательно сложились два противостоявших друг другу блока – Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии (последнюю правда всерьез не воспринимали) и Тройственное согласие России, Великобритании и Франции. При этом последний блок полноценным союзом не являлся, так как Великобритания вплоть до начала Первой мировой войны избегала четкого закрепления своих обязательств по отношению к России. В Лондоне были готовы воевать против Германии, только в

случае нападения последней на Францию и Бельгию. Если же противоречия на Балканах привели бы к австро-русской войне, то Великобритания хотела остаться нейтральной.

Фактически первопричиной мировой войны, запустившей в действие практически автоматический механизм блоков, были англо-германские противоречия, которые принято именовать антагонистическими. К 1914 году Германия обошла Великобританию по размеру национального дохода (12 млрд. долл, против II)¹, а также по выплавке стали и чугуна. Чтобы заявить свои права на колонии немцы приняли амбициозную программу создания военного океанского флота. В Лондоне усмотрели в этом прямую угрозу своим жизненным интересам и ответили не менее масштабной гонкой военно-морских вооружений. Великобритания была полна решимости сохранить положение, при котором английский флот должен быть сильнее, чем два следующих за ним по мощи вместе взятых. Чтобы воспрепятствовать планам Германии в Лондоне избрали двоякий подход. С одной стороны не имея большой сухопутной армии, Великобритания всячески пыталась поощрять антигерманские военные приготовления Франции и России, чтобы оттянуть ресурсы Берлина с морской военной программы на сухопутную. С другой стороны вплоть до начала Первой мировой войны англичане вели с немцами секретные переговоры о передаче Германии части португальских колоний. В обмен на это Лондон настойчиво

¹ Kennedy P. Rise and Fall of Great Powers. New York. 1987, p. 314.

стремился добиться от Берлина согласия на то, чтобы соотношение сил между германским и английским флотами составляло не более 2 к 3. Немцы в целом справедливо ссылались на свой суверенитет и отсутствие каких-либо международно-правовых актов, запрещавших им наращивать флот.

Представляется, что англо-германские противоречия во все не были антагонистическими. Речь шла скорее о попытке Англии остановить рост экономической и военной мощи Германии, в которой она выделила потенциальную угрозу своей колониальной империи.

Противостояние между Россией и Австро-Венгрией на Балканах также не носило непримиримого характера. Россия стремилась поддержать территориальное статус-кво на Балканах, фактически противодействуя попыткам балканских государств ликвидировать турецкое господство в этой части Европы. Совместно с Австро-Венгрией Россия пыталась заставить Порту пойти на реформы с целью улучшения положения немусульманского населения Османской империи. Это делалось, прежде всего, для того, чтобы не дать повода Сербии, Болгарии и Греции для войны с Турцией. Петербург стоял на страже территориальной целостности Турции потому, что не хотел допустить перехода контроля над Черноморскими проливами в руки сильной державы в случае распада Османской империи. Для Австро-Венгрии была важна не столько территориальная целостность Турции, сколько нерасширение югославянских государств, прежде всего Сер-

бии. В Вене опасались, что рост мощи Сербии станет катализатором распада самой Австро-Венгрии, где славяне составляли треть населения.

Таким образом, можно сделать вывод, что наличие в Европе определенных противоречий между великими державами само по себе не могло бы вызвать серьезную, а тем более мировую войну. И тем более, что в Старом Свете был накоплен очень большой опыт дипломатического улаживания самых спорных вопросов (уже упоминавшиеся выше Берлинский конгресс, англо-французское соглашение 1904 года и т. д.)

Представляется, что фактором, сделавшим войну возможной, было так называемое общественное мнение ведущих европейских государств, впервые сыгравшее существенную роль во внешней политике «европейского концерта» великих держав. Во Франции пропаганда реванша за 1870 год сделалась программой не только всех политических партий, но и самым модным идейным течением образованных слоев населения. В Великобритании ведущие ученые и публицисты доказывали «историческое предзнаменование» и «цивилизаторскую роль» Англии во внеевропейском мире. В Германии велась уже тогда окрашенная в расистские тона пропаганда неизбежности столкновения с «деградировавшими галлами», «торгашеским Альбионом» и «азиатским славянским колоссом». Например, начальник германского генштаба фон Мольтке был убежден, что «европейская вой-

на разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами»². Практически в таких же тонах рассуждали «властители умов» в России. Кумиром общественности был генерал М.Д.Скобелев, призывавший к борьбе с тевтонской угрозой. «Неослависты», сторонники «особого пути» России также видели в немцах угрозу самобытности российской византийской цивилизации. Эта «самобытность» причудливым образом совмещалась со стремлением «передовой» российской интеллигенции копировать развитие «союзных» Англии и Франции. Так, например, кадеты выступали за «либеральный империализм»: подчинение России сфер влияния в Азии и на Балканах «западным путем», то есть не военными захватами, а через концессии и экспорт капитала. Проблема была в том, что у России недовставало свободных средств для собственного развития и не было конкурентоспособной промышленной продукции для мировой экспансии. По производству основных товаров на душу населения Россия отставала от ведущих держав (США, Великобритания, Германия) в 5-10 раз. По концентрации финансового капитала на душу населения России уступала Италии и даже Испании³. В то же время иностранная задолженность самой России в 1914 году превысила 5,6 млрд, рублей (80 % заемных средств приходилось на Францию). В этих условиях политика «мирной экспансии» и «антан-

² А.И. Уткин. Первая мировая война. М., 2001. С. 25.

³ А.В. Игнатьев. Внешняя политика России 1907–1914 гг. М., 2000. С. 19.

тофильства» контролировавших большую часть российско-го общественного мнения кадетов и октябристов неизбежно толкала Россию на сомнительные внешнеполитические авантюры. Так, например, основным спорным вопросом в российско-германских отношениях перед Первой мировой войной было стремление немцев получить экономическую свободу рук в Персии, чему противился Петербург, не имея в тоже время свободных средств для наращивания собственного экономического влияния в этой стране. Турцию (и союзную Францию) раздражало стремление России ограничить предоставление иностранцам железнодорожных концессий в граничащих с Закавказьем районах Османской империи. У самой же России на строительство там железных дорог не было средств. Пожалуй, самым отягощенным мифами продуктом внешнеполитической пропаганды в российской элите того времени был вопрос о жизненной важности для империи Босфора и Дарданелл. Между тем российская внешняя торговля (экспорт леса и зерна) была ориентирована на Германию и Великобританию (на эти две страны приходилось до 80 % российского вывоза) и проливы здесь не играли никакой роли. Связанные с октябристами и кадетами торгово-промышленные круги вели активную пропаганду против «немецкого засилья» в российской экономике, хотя без импорта из Германии станков и продуктов химической промышленности, не производившихся отечественной индустрией, бурный экономический рост в России

в 1909–1913 гг. (в среднем 8 % в год) был бы невозможен. Напротив, на союзную Францию, которой стремились подражать «просвещенные» российские круги, приходилось менее 5 % внешнеторгового оборота. Российской империи и закупались там в основном предметы роскоши.

Наиболее прагматичные внешнеполитические позиции в российском политическом спектре занимали крайне правые и крайне левые силы. Первые (часть придворного окружения царя и крайние националисты) считали, что война с Германией губительна для самодержавия. Министр внутренних дел П.Н. Дурново в записке царю в феврале 1914 года отмечал, что интересы России и Германии «нигде не сталкиваются»⁴.

Крайне левые – социал-демократы – вообще выступали против любой войны, кроме оборонительной, считая, что нет смысла проливать кровь за эфемерные интересы на Балканах или в Персии. Обе эти группировки парадоксальным образом связывали с Германией идеологические соображения. Правые видели в Германии союзника в борьбе против мировой революции, а левые считали, что сильнейшая в мире германская социал-демократия скоро придет к власти и превратит Германию в центр революционного движения.

Таким образом, националистическая и шовинистическая пропаганда в основных европейских странах в начале XX века придавала в общем незначительным внешнеполитическим

⁴ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М., 1997. С. 396.

противоречиям между ведущими державами в массовом сознании характер «судьбоносной борьбы» между «германством», славянством и «латинством».

Общественное мнение стало серьезно влиять на внешнюю политику всех стран, сужая поле для маневра правительств ссылкой на большей частью надуманные «национальные» интересы.

Все это стало придавать европейским кризисам в начале XX века собственную динамику, часто выходявшую из-под контроля военных и дипломатов. Впервые блоковый автоматизм сработал в 1909 году, когда Австро-Венгрия аннексировала оккупированную ею с 1878 года Боснию и Герцеговину, а протест России был подавлен фактическим германским ультиматумом. В Петербурге были раздосадованы пассивностью Англии и Франции, хотя сама внешнеполитическая комбинация, приведшая к кризису (попытка «обменять» согласие на аннексию на свободу рук в вопросе о проливах), была затеяна Петербургом без предварительных консультаций с союзниками.

После боснийского кризиса интересы обоих блоков стали кивались вокруг Марокко и итогов Балканских войн 1912–1913 гг. И опять России приходилось идти на попятную перед лицом германо-австрийского блока, в том числе и из-за незаинтересованности Англии и Франции в балканских делах. Напористое и ультимативное поведение Австро-Венгрии и Германии объяснялось тем, что при тогдашнем соот-

ношении сил между двумя блоками и осознании неизбежности столкновения ситуация представлялась Берлину выгодной для начала войны. Предполагалось, что к 1917 году Россия резко усилится в военном отношении и сможет диктовать свою волю Тройственному союзу, не опасаясь конфликта с ним. От войны Германию удерживала лишь неопределенная позиция Англии. В Берлине были уверены, что германской армии удастся разбить Францию и Россию, но в случае вмешательства Великобритании на стороне последних шансы на успех уравнивались.

Ключевую роль Великобритании наиболее остро сознавали в Петербурге и предлагали в начале 1914 года превратить Тройственное согласие в оформленный блок, заявив об этом публично. Россия справедливо считала, что этот шаг ликвидирует воинственность немцев. Однако Великобритания отказалась от подобного предложения и не торопилась оформить союзнические отношения хотя бы с одной Россией.

Такая позиция Лондона вынуждала Петербург постоянно идти на уступки австро-германскому блоку в балканском урегулировании (по вопросу о границах Албании и Сербии, выходе Сербии к Адриатическому морю и т. д.). Такая линия российского МИД резко критиковалась практически всеми газетами страны, как капитулянтская. Все чаще выражалось стремление к твердой позиции и военное руководство страны, заверяя Николая II, что армия готова к большой войне. Кстати, вопреки широко распространенному в историко-

графии мнению о «неготовности» России к Первой мировой войне, военные были правы. Российская армия мирного времени 1914 года превосходила вооруженные силы Германии и Австро-Венгрии вместе взятые. Не уступала российская сторона немцам и по оснащению своих войск современным оружием. Превосходство Германии в тяжелых орудиях объяснялась лишь тем, что немцы готовились к прорыву эшелонированной французской линии укреплений. Все державы исходили из краткосрочности будущей войны (максимум полгода), основываясь на опыте франко-прусской и Балканских войн. Для подобного конфликта, как и показала Первая мировая война, Россия была полностью готова, но общая экономическая отсталость страны делала практически невозможной длительную войну, что и засвидетельствовал ход военных действий с Японией в 1904–1905 гг. Наиболее слабым местом русской армии был не недостаток сил и средств, а полнейшая некомпетентность высшего командного состава, что было следствием общего сословно-бюрократического характера режима страны. Забегая вперед, следует отметить, что разгром русских войск в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 года произошел в условиях подавляющего превосходства российской стороны и стал следствием преступных ошибок русского командования.

Таким образом, в 1913 – начале 1914 года внимание всей Европы было приковано к Балканам, где продолжалось урегулирование итогов Балканских войн, сопровождавшее-

ся соперничеством Австрии и России. Однако ход дипломатических переговоров был вполне успешным и казалось не давал повода к войне. Мобилизационные меры России и Австро-Венгрии в начале 1913 года были достаточно быстро отменены по итогам взаимных консультаций.

В этих условиях совершенно неожиданно для всех игроков «европейского концерта» в Сараево (столице аннексированной Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины) боснийскими националистами 28 июня 1914 года был убит наследник австрийского престола Франц-Фердинанд. Террористов поддерживала тайная сербская организация «Черная рука», в которую входило большинство ведущих офицеров сербской армии. В Вене понимали, что убийство принца дает желанный повод расправиться с Сербией. Однако войну против нее не решалась начать без санкции Берлина. Там полагали с учетом опыта предыдущих кризисов, что Россия не решится воевать из-за Сербии. Но даже если этот прогноз окажется неверным, немцы не боялись войны с Россией и Францией, надеясь на британский нейтралитет. 5 июля 1914 года германский император Вильгельм II дал австрийскому послу совет «не мешкать с выступлением»⁵. Вена сформулировала такой текст ультиматума Белграду который не мог быть принят суверенным государством. Официальная нота была передана Сербии 23 июля 1914 года с требованием принять содержащиеся там условия в течение 48 часов (в т. ч.

⁵ История дипломатии. Т. II. М. 1963. С. 780.

прекращение в Сербии всей антиавстрийской пропаганды, увольнение офицеров и чиновников согласно составленным Австро-Венгрией спискам, проведение австрийскими должностными лицами следствия на территории Сербии и т. д.).

Россия незадолго до вручения ультиматума настоятельно просила Англию и Францию предпринять коллективный демарш в Вене, однако англичане отказались пойти на это. В этих условиях Петербург рекомендовал Белграду принять ультиматум и передать австро-сербский спор на рассмотрение великих держав. Сербь так и поступали, отказавшись в мягкой форме лишь от допуска австрийских чиновников на свою территорию. Воспользовавшись этим небольшим спорным моментом, Австро-Венгрия 28 июля объявила Сербии войну. До этого дня в контактах с германским послом в Лондоне Лихновским министр иностранных дел Великобритании Э.Грей создавал у Берлина иллюзию, что Лондон останется нейтральным. Но 29 июля Грей заявил Лихновскому, что если в грядущую австро-русскую войну будет вовлечена Франция, то Англия не сможет остаться в стороне. Вильгельм II, был потрясен, назвав в порыве гнева англичан «низкой торгашеской сволочью». 30 июля Берлин стал активно уговаривать Вену прекратить военные действия против Сербии и принять посредничество великих держав. Но австрийцы теперь уже не желали учитывать мнение своего союзника, надеясь на легкую победу еще до вступления в конфликт русской армии.

Николай II пытался побудить Вильгельма II остановить Австрию, которая начала мобилизацию – т. е. сделала шаг, уже прямо направленный против России (победить Сербию австрийцы надеялись армией мирного времени). Кайзер для вида согласился, стремясь оттянуть российскую мобилизацию. 29 июля царь подписал указ о всеобщей мобилизации, но затем под влиянием полученной от Вильгельма телеграммы отменил его. Но 30 июля военный министр Сухомлинов и глава МИД Сазонов все же убедили царя передать указ о всеобщей мобилизации в военные округа. 31 июля царский указ был объявлен официально. В тот же день германский посол в Петербурге Пурталес сообщил Сазонову, что если Россия не отменит мобилизацию 1 августа до 12 часов дня, к такой же мере прибегнет и Германия. Пурталес заметил, что это еще не означает войну, хотя на самом деле в Берлине готовились объявить ее при любом ответе российской стороны, что и произошло 1 августа 1914 года. В тот же день согласно своим союзническим обязательствам начала мобилизацию Франция, на что Германия ответила 3 августа объявлением ей войны. В британском кабинете шла напряженная внутренняя борьба, и исход и ее в пользу сторонников войны был решен только после германского ультиматума Бельгии с требованием пропуска немецких войск через свою территорию.

4 августа Великобритания предъявила Германии ультиматум, требуя соблюдения бельгийского нейтралитета. Не по-

лучив ответа, Англия в тот же день объявила Германии войну.

Таким образом внешне у Первой мировой войны не было глубинных и неотвратимых причин. Конфликт стал следствием блокового противостояния в Европе, возникшего во-круг в целом отнюдь не антагонистических противоречий. Движимая экономической экспансией великих держав международная напряженность приобрела характер перманентного кризиса. Его перерастание в войну явилось следствием самоуверенности германского военно-политического руководства, надеявшегося на легкую победу над Францией и Россией при пассивности Великобритании. Из всех великих держав того периода именно у России не было никаких серьезных причин идти на войну, так как ей не нужны были ни колонии, ни новые рынки для экспорта товаров и капиталов. Вовлеченность России в балканские дела диктовались в основном соображениями престижа и «кровных исторических уз» (при этом ни Сербия, ни Болгария всерьез не учитывали мнения России в своей политике). Тем не менее, отступление перед Австрией в 1914 году после невыгодного для Петербурга «компромисса» с ней в 1909 и 1913 гг. создавало угрозу превращения России в державу «второго сорта». Первая мировая война, начавшись с абсолютно незначительного предлога, закончилась фактической гибелью крупнейших государств Европы и крахом всей системы военно-политических союзов Старого Света.

Октябрь и революционное крушение империй в XX веке

Актуальность избранной темы, как представляется, обусловлена как сохраняющимися в мире спорами относительно значения Великой Октябрьской социалистической революции, так и путаницей в определении понятия «империя», которое применяется то к СССР, то к современным США, то вообще к любой большой стране.

Ни в западной, ни в российской (советской) историографии нет устоявшегося определения понятия «империя». Не зафиксировано оно и в международно-правовых документах. Исходя из этого, автор самостоятельно попытался определить термин «империя» и на основании этого термина строил свое дальнейшее исследование.

Октябрь, конечно, имел и имеет по сей день мировое значение как идейная основа для борьбы народов против имперского доминирования на основе права наций на самоопределение.

Прежде всего, как представляется, необходимо разобраться с самим понятием «империя».

Большая советская энциклопедия (издание для СССР самое авторитетное) определяла империю следующим образом: «Империей иногда называют организацию колониаль-

ного господства отдельных буржуазных государств. В этом смысле говорят о Британской Империи, как об организации, охватывающей вместе с Великобританией все доминионы и колонии, о Французской империи, несмотря на республиканский характер государственного строя Франции»⁶.

Это определение представляется вполне точным, хотя и не совсем полным.

На Западе в отношении понятия «империя» царила и царит определенная путаница, иногда затрудненная в России особенностями не совсем верного перевода⁷.

Точного и общепринятого определения империи нет по сей день, на что указывает в своей довольно интересной работе, например, Сэлли Каммингс⁸. Другой западный автор Эдвард Уокер признается, что понятие «империя» традиционно сложно определить. Причем описывает он постсоветское пространство почему-то как «постимперское».

Что касается этимологии и лингвистики, то, например, германское государство по состоянию на 1917 год называлось по-русски «Германская империя» (*Deutsches Reich*). Но «*Reich*» в немецкой исторической традиции это вовсе не империи, а «богатство», причем как идейное, так и материаль-

⁶ Большая Советская энциклопедия. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во Большая Советская энциклопедия, 1952. – Т. 17, с. 590.

⁷ Характерным для западного подхода к понятию «империя» является например следующая работа: Doyle M.W., *Empires*, Cornell University, Ithaca, 1986.

⁸ Cummings S.N., *Sovereignty after Empire. Comparing the Middle East and Central Asia*, Edinburgh University Press, 2001, p. 25.

ное. Поэтому «рейхом» называли любое немецкое государство, которым народ (или его правители) дорожили. Не случайно, после свержения монархии в Германии в 1918 году новая (Веймарская) республика полностью сохранила свое название – “Deutsches Reich” и никого это не смутило. Даже в социалистической ГДР железные дороги продолжали называться “Deutsche Reichsbahn”, что, конечно же, нелепо переводить как «Немецкие имперские железные дороги». Это просто «Немецкие государственные железные дороги».

Что касается предреволюционной России, то формально она с 1721 года именовалась империей, но к структуре нашего тогдашнего государства это название не имело никакого отношения. Просто блистательно разгромивший сверхдержаву того времени – Швецию – Петр I решил переменной названия подчеркнуть новый статус России как великой державы. В свое время точно также поступил Иван Грозный (кстати, очень почитаемый Петром), переименовав нашу страну из «великого княжества» в «царство».

Сейчас, правда, многие пытаются обосновать якобы имперский статус как дореволюционной России, так и Советского Союза, тем, что это были многонациональные страны якобы с внутренними колониями. Мол, вся разница СССР от Британской империи заключалась просто в том, что английские колонии были за морем, а русские (советские) – нет. Но главным в определении понятия «колония» является отличие ее правового статуса от статуса метрополии.

Кстати, часто приводится и другой признак – географическая обособленность колонии, но от него можно и абстрагироваться. В любом случае, никакой существенной разницы в правовом статусе различных российских и советских территорий никогда не было.

На взгляд автора, можно вывести и еще один важный признак империи. Колонии должны быть по своей территории и экономическому значению либо сопоставимыми с метрополией, либо превосходить ее по данным характеристикам. То есть, колонии должны быть жизненно необходимы для метрополии в ее «имперском» виде.

Да, к колониям России в определенном смысле можно было бы отнести Аляску, Хивинское ханство и Бухарский эмират. Но никакого экономического значения (тем более решающего) эти образования для России никогда не имели. Именно поэтому Аляску буквально «навязали» американцам. А среднеазиатские деспотии не были включены в состав России лишь с оглядкой на Англию и фактически содержались из российского бюджета точно так же как, например, Рязанская губерния. Сложно себе представить, например, чтобы Англия кому-нибудь продала Индию, из которой Лондон как насос высасывал все мыслимые ресурсы.

Что касается Финляндии и Польши, то юридический статус населения этих стран в составе Российской империи был даже лучше, чем у русских – и Польша и Финляндия имели конституции. Поляки, подняв восстания в 1830 году, сами

спровоцировали отмену царем Николаем Вторым конституции 1815 года.

Таким образом, автор считает правомерным следующее определение империи: *«Империя – государство, как республиканское, так и монархическое, в котором существуют четкие, юридически закреплённые различия в статусе населения колоний и метрополии, и в котором колонии жизненно необходимы экономически для существования государства в его нынешней форме».*

Исходя из вышесказанного, нельзя считать империями США и Германию образца 1917 года.

Германия формально имела колонии, причем заморские, и была, кстати, единственной метрополией, подчеркивающей юридически расовые различия немцев (белых) и «туземцев» (так что Гитлер возник абсолютно не на пустом месте). Однако немцев в «империи» было более 80 миллионов, а «туземцев» – всего 13. Все немецкие колонии в экономическом смысле были убыточными и субсидировались из Германии. Торговля с колониями в 1914 году представляла собой лишь 2,5 % германского товарооборота. Смысл удерживать их был чисто престижным – если колонии есть у Англии, то и у немцев они должны быть. Многие немцы и понятия не имели, например, о том, что Того – часть «рейха», так же как крестьяне в Твери могли ничего не слышать о бухарском эмире. Но любой англичанин знал об Индии или Австралии, так же как и любой француз – об Алжире. Эти тер-

ритории были экономически настолько важны для метрополий, что их потеря привела бы к существенному изменению уровня жизни в этих странах. Во Франции, например, возможная потеря Алжира привел к попытке государственного переворота 1958 года и полной смене политического режима в стране.

США также никогда не были империей, хотя после 1898 года они приобрели ряд колоний – Пуэрто-Рико, Филиппины, Гуам. Но ни в 1917 году, ни сейчас эти территории не играли и не играют в жизни Америки никакой экономической или политической роли. Самая крупная американская колония на настоящий момент Пуэрто-Рико занимает 9 тыс. кв. километров. А ее жители имеют американские паспорта и по своему статусу фактически ничем не отличаются от «континентальных» американцев. Не случайно, две трети населения Пуэрто-Рико на референдуме 2012 года проголосовали за вхождение в США в качестве 51-го штата.

Таким образом, как представляется, на октябрь 1917 года в мире существовали следующие «классические» империи:

- Британская. Занимала в 1917 году примерно 22 % суши (31 млн. кв. км) с населением 480 миллионов человек. Импорт и экспорт в колонии (доминионы) составлял примерно 35–40 % британской внешней торговли.
- Французская⁹. Если население Франции на 1921 год со-

⁹ Подробнее о французской колониальной империи см. например: Fuchs G., Hans Henseke: Das französische Kolonialreich. Verlag «Das europäische Buch»,

ставляло 39 миллионов человек, то население колоний – 55 миллионов. Кстати и на сегодняшний день Франция, хотя и владеет небольшими (и в основном островными) территориями, но не отказывается от них, так как благодаря территориальным водам имеет вторую в мире после США морскую территорию (более 11 млн. кв. километров).

Османская. На пике своего могущества (1683 год) занимала 5.2 миллиона кв. км (в 7 раз больше территории современной Турции). Османская империя являлась империей, где юридическое неравенство основывалось на религии, а не на национальности, или расовых особенностях. То есть в неравноправном положении находились все немусульманские народы империи. Например, любые показания христиан против мусульман не принимались в суде. Христиане и прочие немусульмане облагались специальными налогами.

Австро-Венгерская. В этой империи существовала как религиозная, так и этническая дискриминация. Предпочтение оказывалось католикам, а славяне (самый крупный этнический элемент империи) были лишены политических прав, которые имели «господствующие» нации – немцы и венгры. Заметим, что дискриминация славян приобрела особенно сильные формы именно в Венгрии. На немецком языке в Австро-Венгрии говорили (согласно переписи 1910 года) 22 % населения, на венгерском -19 % [данные завышены, так как в Венгрии не признавались отдельными народами словаки

(4 млн. человек) и украинцы (1 млн. человек). Их считали «горными венграми»]. Словацкий и украинский языки были запрещены для любого официального общения), на славянских (чешский, польский, сербскохорватский и др.) – более 42 %.

- Португальская. Правда, уже с середины XIX века экономически колонии стали для слаборазвитой Португалии убыточным делом. Именно поэтому в 1891 году почти треть Мозамбика, например, была сдана в аренду английским компаниям. В 1898 году Германия и Великобритания предоставили Португалии заем под залог Анголы. Португалия смогла сохранить колонии до 1975 года лишь потому, что ни одна из крупных империалистических держав не хотела, чтобы эти колонии перешли к сопернику покрупнее. По той же самой причине самая крупная африканская колония (Конго, позднее Заир) досталась крошечной Бельгии.

- Таким образом, Португалия на 1917 год была своего рода «зависимой» (прежде всего, от Англии) империй, полуколонией, владевшей колониями.

- Голландская. При этом у Голландии по сути дела была всего одна крупная колония – Индонезия, так что империей ее можно считать лишь с большой натяжкой. Эта империя к 1917 году давно прошла зенит своего могущества (1650 год), когда на Голландию приходилась примерно половина мировой торговли.

Большевики, придя к власти в октябре 1917 года, не только провозгласили принцип права наций на самоопределение (этот принцип был вынужден «подхватить» в своих 14 пунктах и президент США Вильсон), но и реализовали его на практике – независимость была предоставлена Финляндии и Польше. Советская Россия отказалась от неравноправных договоров с другими странами (Персией, Китаем и т. д.). Уже 15 ноября 1917 года (даты даны по новому стилю). Совнарком принял в качестве юридического акта (декрета) Декларацию прав народов России, в которой четко было прописано право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, 20 ноября 1917 года СНК было принято отдельное обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»¹⁰ (включая Индию), где содержался следующий призыв: Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель! Не отдавайте им больше на разграбление ваших родных пепелищ! Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию! Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в собственных руках».

В первую очередь благодаря Великой Октябрьской соци-

¹⁰ Текст см., например, <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5310/> (дата обращения 21.08.2017).

алистической революции распалась Австро-Венгерская империя, и все славянские народы впервые в своей истории получили государственную независимость. Не случайно, по примеру Советской России в Венгрии и Словакии возникли советские республики, которые были разгромлены лишь благодаря внешней военной интервенции. Ударной силой новых государств (особенно Чехословакии) были сформированные в России воинские части, пропитанные революционным духом.

Распалась и Османская империя, причем, следует подчеркнуть, что Советская Россия не только отказалась от планов Антанты по разделу собственно Турции, но и оказала неимперской Турции военную и финансовую помощь в борьбе против западных империалистов. В то же время Совнарком 11 января 1918 года принял декрет о «Турецкой Армении», в котором говорилось о полной поддержке права армян этого региона на самоопределение¹¹. Заметим, что во время Первой мировой войны вся Западная Армения была занята русской армией.

Что касается Великобритании, то она была вынуждена в 1922 году провозгласить (пусть и формальную) независимость Египту. В 1919 году именно для противодействия «коммунистической опасности» Лондон был вынужден предоставить больше прав Индии («Акт о правительстве

¹¹ История международных отношений и внешней политики СССР. Т. I. М.: Изд-во Международные отношения, 1986. С. 22.

Индии»)¹². Именно на поддержку СССР опирался в своей компании неповиновения Махатма Ганди. В 1923 году Лондоном было официально признано право доминионов на самостоятельную внешнюю политику.

В 1930 году произошло антифранцузское восстание во Вьетнаме, которому помог Гоминдан, в свою очередь ранее получивший значительную военную помощь СССР.

И Франция, и Великобритания под влиянием нового «духа времени» были вынуждены именовать свои новые колонии (отторгнутые у Германии и Османской империи) «подопечными территориями». Это означало, что они должны как можно быстрее предоставить этим странам независимость, а сам мандат на управление подлежал утверждению Лигой наций. В 1932 году англичанам пришлось, например, предоставить независимость «подопечному» Ираку.

Таким образом, по состоянию на 1939 год из четырех реальных империй уцелели лишь две – британская и французская.

Новый этап в крушении колониальных империй был связан со Второй мировой войной, а именно с победой в ней СССР, ставшего мировой державой. При чем на сей раз, в отличие от Первой мировой войны, с колониями пришлось расставаться державам-победительницам.

¹² Анализ французского колониализма межвоенного периода см, например, в: Brandt J., *Französische Kolonialreich in der Zwischenkriegszeit: Selbstverständnis vs. Wirklichkeit*, Albert-Ludwigs-Universität, Freiburg, 2007.

В 1945 году была провозглашена независимость Вьетнама и Индонезии, в 1946 году – Сирии, в 1947 году – Индии, в 1948 году – Бирмы. США пришлось предоставить независимость Филиппинам в 1946 году, и американцы лишились своей самой крупной колонии. Французы, тщетно пытаясь сохранить свою империю, преобразовали ее в 1946 году во Французский союз, то есть теоретически уравнивали в правах население колоний и метрополии. Но эта уловка не помогла.

СССР, опираясь на ООН, не ослаблял борьбу за полную деколонизацию и в 1960 году («Год Африки») независимость получили большинство государств «черного континента», что ознаменовало собой окончательный крах британской и французской колониальных империй. Н.С. Хрущев лично настаивал на принятии Генеральной Ассамблеей ООН декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. В декабре 1960 года по инициативе СССР была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. В целях полной реализации этого документа ООН (опять-таки по инициативе Москвы) в 1970 году приняла Программу а в 1980 году – План действий, отражающие задачи в этой сфере¹³.

Советский Союз и другие социалистические страны оказали народам португальских колоний значительную военную

¹³ Дипломатический словарь. Т. II. М.: Изд-во Наука, 1986, с. 57.

и экономическую помощь, которая в том числе стала одним из важнейших факторов распада последней колониальной империи в 1975 году.

После обретения бывшими колониями независимости СССР оказывал им большую и в целом бескорыстную помощь. Например, на 1991 год только льготные кредиты СССР Анголе превысили 5 миллиардов долларов, Ираку – 10 млрд., Алжиру – 4,7 и т. д. Советскому примеру были вынуждены следовать и западные страны (чтобы развивающийся мир «не ушел к русским»). Именно поэтому в 1960–1991 гг. был отмечен единственный период в истории Земли, когда сокращался разрыв доходов между богатыми и бедными странами. После распада СССР этот разрыв опять начал расти, а западные страны резко сократили помощь своим бывшим колониям, хотя именно они ответственны за их бедность и нищету.

Например, в 1980 году разрыв по ВВП на душу населения между Великобританией и Нигерией (специально взята одна из самых богатых нефтью стран мира) составлял 10,6 раза, в 2017 году – 18 раз (данные МВФ)¹⁴.

Не случайно, Африку ныне на Западе именуют «забытым континентом», а роль СССР, на этом континенте активно пытается примерить на себя Китай.

Таким образом, можно сделать вывод, что благодаря Ве-

ликой Октябрьской социалистической революции и самому факту существования Советского Союза не только распались все империи мира, но и освободившиеся страны и народы получили возможность опережающего развития.

Распад СССР положил конец этой тенденции, бывшие колониальные народы в отсутствие зримой альтернативы общественного развития попали уже под экономический гнет своих бывших метрополий, в последнее время все чаще подкрепляемый грубой военной силой.

Как представляется, можно сделать вывод о том, что только возрождение социалистической перспективы для человечества позволит не допустить восстановления традиционных империй, разрушит «неоимперии» современности, повинные в голоде, нищете и ежедневных страданиях десятков миллионов людей на Земле.

Бременская советская республика 1919 года

После Великой Октябрьской социалистической революции все лидеры большевиков, независимо от расхождений по многим вопросам внутренней и внешней политики, ожидали скорой социалистической революции в Германии.

Для такого вывода был действительно целый ряд предпосылок.

Во-первых, Германия была самой развитой индустриальной страной тогдашнего мира и по теории Маркса наиболее готовой экономически для падения капитализма.

Во-вторых, германский пролетариат перед Первой мировой войной был самым политически организованным и целиком шел за марксистской Социал-демократической партией Германии (СДПГ). Фракция СДПГ в германском рейхстаге после выборов 1912 года была самой сильной. Каждый третий немец голосовал за социал-демократов.¹⁵

В-третьих, хотя СДПГ перешла с началом войны на оборонческие позиции, из ее рядов в 1917 году отпочковалась левая независимая социал-демократическая партия

¹⁵ Занявшая на этих выборах второе место католическая партия Центра набрала всего 16,4%

(НСДПГ), которая все время наращивала свое влияние.¹⁶

В-четвертых, Германия еще сильнее России пострадала от Первой мировой войны. Например, в 1917 году 230 тысяч немцев в тылу умерло от голода (600 тысяч – на фронте).¹⁷

Именно близостью социалистической революции в Германии Ленин в том числе аргументировал необходимость заключения пусть и унижительного мира с кайзеровской Германией. Мол, скоро немецкий пролетариат восстанет и тогда постыдный мир рухнет сам собой и социалистические Россия и Германия заключат непобедимый военно-политический союз.

Собственно Ленин оказался во многом прав. Всего через полгода после заключения Брестского мира в Германии вспыхнула революция, позднее названная Ноябрьской. К власти в Берлине пришло революционное правительство из представителей СДПГ и НСДПГ, названное явно по советскому образцу Советом народных уполномоченных (СНУ). Над Берлином и многими другими городами развевались красные флаги. Везде опять-таки по советскому образцу, возникали советы рабочих и солдатских депутатов.

Однако СНУ при помощи Верховного командования кайзеровской армии смог подавить восстание в Берлине в январе 1919 года, главным образом потому, что оно было ди-

¹⁶ Если во время основания в 1917 году НСДПГ насчитывалось примерно 100 тысяч членов, то в 1920 году – 900 тысяч.

¹⁷ Schulze H., *Kleine deutsche Geschichte*, Miinchen, 1996. S. 157.

летантски подготовлено и развивалось во многом спонтанно. Многие рабочие не понимали тогда, зачем надо свергать только что возникшее социалистическое правительство. Да и коммунистической партии в то время как таковой не существовало. И самое главное – в отличие от большевиков революционные социалистические силы Германии не смогли организовать политическую работу в армии и перетянуть ее на свою сторону. Если русская армия уже летом 1917 года шла за большевиками (это ясно продемонстрировал позорный провал корниловского мятежа), то германская армия 1918–1919 года была оплотом реакционных сил, считавших предателями всех политиков, особенно левых и евреев.¹⁸

Тем не менее, русский опыт и советская идея были очень популярны среди рабочих Германии, что ясно показали примеры Баварской (точнее надо было бы сказать Мюнхенской) и Бременской советских республик.

Если в Берлине восстание левых в январе 1919 года было легко подавлено, то в Бремене оно фактически победило, причем абсолютно бескровно.

Создание советской республики в Бремене 10 января 1919 года стало возможным благодаря переходу власти в этом промышленно развитом портовом городе Северной Германии 6 ноября 1918 года в руки Совета рабочих и сол-

¹⁸ О Различных представлениях левых сил относительно будущего Германии после ноября 1918 г. См. <http://library.fes.de/gmh/main/pdf-files/gmh/1969/1969-01-a-018.pdf>

датских депутатов. Совет был силен в Бремене еще и потому, что бременское отделение (СДПГ) ещё до начала Первой мировой войны занимало внутри партии наиболее левые позиции.¹⁹

Еще в 1916 году по Бремену прокатились сильные забастовки рабочих порта и верфей. И это в то время, когда по всей Германии еще царил объявленный СДПГ в августе 1914 года классовый мир. Печатный орган бременских социалистов «Бремер Бюргер Цайтунг» возглавляли редакторы марксистской ориентации (например, Карл Радек), проводившие политическую линию, схожую с партией большевиков в России.

В 1917–1918 гг. положение в Бремене еще более обострилось. 31 марта 1917 года город (впрочем, как и многие города Германии) охватили голодные стачки, вызванные нехваткой продовольствия. В конце января 1918 года начались волнения рабочих таких крупных предприятий, как «АГ Везер», «Атлас Электро-Веркен» и «Ханза-Ллойд». В соседнем Киле недовольство бессмысленной войной вызвало восстание матросов 3 ноября 1918 года, с чего началась ноябрьская революция в Германии.

К 1918 году социал-демократическое движение в Бремене, как и в Германии в целом разделилось на три части:

¹⁹ Lucas E., Die Sozialdemokratie in Bremen während des Ersten Weltkrieges. Bremer Veröffentlichungen zur Zeitgeschichte, Schöningh Verlag, Bremen 1969. S. 12.

на социал-демократов большинства, оставшихся в составе СДПГ (во всей Германии – но не в Бремене – это крыло социалистов было наиболее многочисленным), коммунистов и независимых социал-демократов («независимцев»). Последние, как и в остальной Германии, занимали промежуточную позицию между социал-демократами большинства и крайне левыми (будущими коммунистами).

23 ноября 1918 часть бременских социал-демократов объявила о создании группы «Коммунисты-интернационалисты Германии». На деле речь шла о создании первой коммунистической партии в Германии. 31 декабря 1918 года коммунисты-интернационалисты объединились с «Союзом Спартака» в Коммунистическую партию Германии (КПГ).

Следует отметить, что все три бременские революционные партии (СДПГ, НСДПГ и КПГ) имели серьезные тактические разногласия.

Коммунисты по русскому образцу требовали вооружить рабочих и создать из них и революционных солдат Красную гвардию, реквизировать в пользу голодающих рабочих семей запасы продовольствия, принадлежащие буржуазным элементам, закрыть контрреволюционные газеты, распустить Городской сенат²⁰ и полицию.

Независимые социал-демократы в целом поддерживали коммунистов в их требовании разрушить существующую

²⁰ Бремен со времен Средневековья и Ганзы был городом-государством. Правительство именовалось Городским сенатом.

власть, однако требовали всеобщих выборов в Советы, с участием представителей СДПГ, хотя последние были против советской модели устройства общества.

Рабочие и прочие революционные элементы составляли приблизительно треть населения Бремена, однако они были наиболее активны политически. СДПГ, опиравшаяся на другие слои населения (торговцев, чиновников, служащих), мало что могла противопоставить объединенным силам НСДПГ и КППГ.

В то же время находившиеся в Бремене воинские части «рейхсвера» занимали в целом нейтральную позицию. Так, при создании Советов солдатских депутатов члены их не поддержали предложения о формировании отрядов Красной гвардии. 1 января 1919 года в город вошли части возвращавшегося с фронта 75-го Ганзейского пехотного полка, с которым контрреволюция связывала надежды на разгон Советов. Однако полк при вступлении в Бремен был разоружён, и впоследствии его представители сами вошли в состав солдатских Советов²¹.

Утром 6 ноября 1918 года рабочими верфи «АГ Везер» было получено воззвание восставших в Киле военных моряков с призывом о помощи Совету рабочих и солдатских депутатов в Киле, а также в освобождении из тюрьмы 230 арестованных за участие в акциях протеста матросов. Одновре-

²¹ При входе полка в Бремен появились анонимные листовки, призывавшие солдат не допускать вооружения рабочих.

менно восстали военные моряки в Вильгельмсхафене.

В Бремене, после встречи солдат гарнизона с восставшими моряками, прибывшими из Киля, стали образовываться солдатские Советы. Во второй половине дня в Бремене начались массовые демонстрации, и вечером один из руководителей НСДПГ Адам Франзункевич с балкона бременской Ратуши провозгласил создание в городе Совета рабочих и солдатских депутатов, к которому, как он заявил, переходит вся власть в Бремене. Исполнительный комитет Совета состоял из трёх коммунистов – Ханса Бродмеркеля, Адольфа Данната и Альфреда Штокингера, и четырёх независимых социал-демократов: Альфреда Хенке, Адама Фразункевича, Карла Герольда и Эмиля Зоммера. После выборов, состоявшихся 7 ноября 1918 года, в состав исполкома Совета вошли и другие депутаты.

Всего же Бременский Совет был сформирован из 210 депутатов, олицетворявших собой законодательную власть, и 250 депутатов, осуществлявших контрольные функции. Кроме этого, был создан без участия представителей СДПГ Исполком (ИК) Совета из 15 членов. Позднее число его членов было увеличено до 21, и в состав ИК были введены представители СДПГ. Председателем Исполкома стал независимый социал-демократ Альфред Хенке, председателем фракции коммунистов – Ганс Бродмеркель.

14 ноября 1918 года, выступая на бременской бирже, Хенке объявил о взятии Советом всей полноты власти в городе

и о роспуске Городского сената. В то же время чиновникам было приказано оставаться на своих рабочих местах и ждать дальнейших указаний. На время переходного периода создавалась комиссия из 6 представителей Совета и 6 сенаторов. Официально о передаче власти в городе Совету было объявлено Хенке с балкона Ратуши в 11:00 15 ноября 1918 года.

Процесс перерастания власти Совета в Бремене в Бременскую Советскую республику сопровождался постоянной политической борьбой внутри Совета между различными социалистическими партиями и группами. Голосование по резолюции, принятой 19 ноября 1918 года и призывавшей к созыву съезда всех советов Германии, направленное против провозглашения Веймарской республики, было принято с подавляющим большинством голосов (116 «за», 23 «против»). Почти все противники резолюции были из СДПГ.

22 ноября состоялась организованная левыми массовая манифестация, на которой было выдвинуто требование разоружения буржуазии, исключения её представителей и членов СДПГ из Советов, передачи печатного органа СДПГ «Бремер Бюргер Цайтунг» Совету. Резолюции этой манифестации легли в основу созданного на следующий день союза «Коммунисты-интернационалисты Германии». В то же время представители бременского гарнизона, фактически руководившие солдатским Советом, отклонили предложение о создании Красной гвардии и вооружении рабочих города.

29 ноября 1918 по инициативе коммунистов состоялась

массовая демонстрация, в результате которой Совет рабочих депутатов постановил все же передать газету «Бремер Бюргер Цайтунг» от СДПГ членам НСДПГ и компартии. В связи с этим СДПГ 1 декабря пригрозила выйти из состава Советов. Получив поддержку солдатского Совета, она смогла временно сохранить за собой газету.

Ситуация в городе, как уже упоминалось, изменилась с возвращением в Бремен с фронта 75-го пехотного полка. 21 декабря солдатский Совет города согласился с передачей газеты коммунистам и вооружением рабочих. Консервативное офицерство полка резко отрицательно относилось к революционному движению в городе и потребовало возвращения власти Городскому сенату предоставление полку казарм в городе. В результате проведённых переговоров между офицерами и представителями Совета удалось выработать компромиссное решение, и 1 января 1919 года 75-й полк вступил в Бремен. После утреннего построения на Марктплатц («Рыночной площади»), распевая патриотический гимн «Германия превыше всего», солдаты отправились к предназначенным им казармам, заранее окружённым отрядами вооружённых рабочих. По прибытии в казармы полк был разоружён.

6 января 1919 года в Бремене состоялись выборы в Совет рабочих и солдатских депутатов. К выборам допускались все члены социалистических партий и профсоюзов. Поэтому СДПГ, понимавшая свою электоральную слабость, открыла массовый приём членов, в первую очередь из буржуазных

кругов. За истинно левые партии – КПГ и НСДПГ – голосовали преимущественно рабочие, за СДПГ – чиновники, торговцы, адвокаты и т. д. В результате на выборах СДПГ получила 104 места, КПГ – 60 мест, НСДПГ – 59, при том, что СДПГ среди традиционно левонастроенного пролетариата Бремена особым влиянием не пользовалась. Такой результат привёл к сближению обеих левых партий, объявивших членов СДПГ «социал-предателями». К тому же СДПГ выступила против предложенного коммунистами финансирования (в размере 60.000 рейхсмарок) двух рабочих батальонов, отклонённого также бременским бургомистром.

В связи с конфликтной ситуацией по вопросам управления городом во второй половине дня 10 января 1919 года коммунистами была организована массовая демонстрация на Марктплатц, охраняемая вооружёнными рабочими. В это время к заседавшему Исполкому направилась делегация из 9 человек, и вскоре после этого Франзункевич провозгласил создание «Социалистической республики Бремен» с одновременным упразднением действующего Сената и городского управления. Все представители СДПГ выводились из Совета и заменялись 30 членами КПГ и НСДПГ.

В республике по русскому образцу учреждалось правительство, – Совет Народных Комиссаров, – создавались рабочие вооружённые отряды, представители буржуазии разоружались. Была конфискована городская профсоюзная касса, которая перешла в распоряжение республики. Были

отправлены две телеграммы – одна председателю германского правительства Фридриху Эберту с требованием его отставки, другая – правительству Советской России с выражением поддержки и солидарности. Вечером того же дня был создан Совет Депутатов Трудящихся из 3 членов от Солдатского Совета, 3 – от коммунистов и 3 – от НСДПГ. Им были приняты первые декреты советской республики – о разоружении контрреволюционных элементов, о введении цензуры для буржуазных газет, о комендантском часе (с 21:00), о суровых наказаниях за погромы и грабежи.

Совету Депутатов из 9 человек придавался Исполком из 15 человек, выполнявший контрольные функции. Вместе они образовывали правительство Советской Республики. Обоим этим органам подчинялись Народные комиссары для управления 9 сферами: образования, охраны общественно-го порядка и судопроизводства, налогообложения и финансов, социального обеспечения, промышленности и занятости, строительства, транспорта и судоходства, пропаганды и прессы.

Внутреннее положение Бременской советской республики постепенно ухудшалось в результате постоянного саботажа со стороны контрреволюционных сил и тяжёлой экономической ситуации. К этому добавилась изоляция республики внутри Германии после подавления в январе 1919 года восстания «Союза Спартака» в Берлине и убийства там лидеров КПП Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Существовали также и разногласия между членами НСДПГ и коммунистами по вопросу о выборах в Национальное собрание Германии. Представители коммунистов и левых социалистов выступили против этих выборов, и на заседании Советского правительства большинством голосов заблокировали проведение выборов в Бремене. Однако на следующий день фракция НСДПГ при поддержке представителей солдатского Совета проголосовала за проведение выборов, которые, в конце концов, КПГ бойкотировала. В результате на выборах за СДПГ проголосовали 42 % избирателей, за буржуазную Германскую демократическую партию – 33,5 % и за НСДПГ – 18,2 %, что не могло не поколебать положение Советского правительства города.

Напряжённая ситуация складывалась и между вооружёнными рабочими отрядами Красной гвардии и солдатами в Бремене. Так, 14 января 1919 года в городе едва не вспыхнула гражданская война – солдаты гарнизона заняли городской центр, вокзал, мосты. Затем они направились к верфям «АГ Везер», одному из опорных пунктов КПГ, где были встречены вооружёнными докерами. Результатом перестрелки были убитые и раненые с обеих сторон.

Одновременно складывалась тяжёлая ситуация и в вопросах финансирования расходов советской республики. 12 января 1919 года директор Городской кассы сообщил председателю Совета Народных Комиссаров, что денежных средств достаточно лишь на двухнедельные нужды. В то же время так

и не было принято решение о конфискации золотовалютных средств, находившихся на хранении в бременских банках (а их хватило бы надолго). Советское правительство Бремена было вынуждено рассмотреть вопрос о привлечении займов. 16 января 1919 года был получен ответ от берлинских банков, что о предоставлении кредита Советам не может быть и речи. После переговоров с бременскими банками они 18 января и 20 января обусловили предоставление кредита рядом политических требований (введение выборного «народного» управления, отмену цензуры и осадного положения).

В правительстве Советской республики также не смогли найти решение вопроса о характере экономических отношений в Бремене: должны ли быть осуществлены мероприятия, характерные для диктатуры пролетариата, по тотальной национализации предприятий – или свободная рыночная инициатива должна была сохраняться. С одной стороны, национализация более соответствовала идеологическим принципам коммунистов и левых социалистов, с другой – они находились в зависимости от необходимости привлечения кредитов.

В то же время советская власть провела ряд реформ, оформленных «Социально-политической программой Комитета по производству» от 11 ноября 1918 года, гарантировавших трудящимся 8-часовой рабочий день и создание государственной Рабочей комиссии, занимавшейся трудоустройством безработных на частных предприятиях. В обла-

сти образования в школах республики было отменено преподавание закона божьего.

18 января 1919 года Бременский Совет, несмотря на несогласие коммунистов, принял требование банков города о проведении выборов в Народное представительство города в обмен на кредиты. Выборы были назначены на 9 марта 1919 года. В ответ на это 20 января представители КППГ, а вслед за ними и «независимые социал-демократы», пообещали выйти из СНК республики, что привело бы фактически к прекращению его деятельности. В конечном итоге коммунисты пересмотрели своё решение. Когда же и после этого, 20 января банки отказались выделить кредит, рабочие отряды, руководимые наиболее радикальной частью КППГ, разобрав оружие из арсенала бременского гарнизона, заняли здания банков и городских официальных учреждений. Однако более ничего предпринято не было, и вскоре рабочие разошлись по домам.

В то же время буржуазия Бремена ещё до провозглашения Советской республики обращалась в Берлин с требованиями прислать войска для разгрома революции.

После подавления берлинского восстания коммунистов правительство «рейха», наконец, могло это сделать, и отправило 29 января 1919 года в Бремен дивизию «рейхсвера» под командованием полковника Герстенберга, получившую позднее приказ о начале военной операции. Ей помогали члены праворадикального «корпуса Каспари»: 600 добро-

вольцев под началом майора Вальтера Каспари, бывшего командующего 75-го бременского полка. На вооружении у сил контрреволюции находилась артиллерия и два броневика.

Прошедшие 29 января – 1 февраля 1919 года переговоры, в ходе которых от Совета потребовали разоружить рабочих и вернуть оружие солдатам 75-го полка, окончились безрезультатно. 3 февраля 1919 года министр обороны Германии социал-демократ Густав Носке²² издал приказ о военном подавлении Бременской советской республики. Носке опасался, то если он не подавит республики Советов в Бремене, то авторитету берлинского правительства в стране будет нанесен непоправимый ущерб.

30 января коммунисты успели вооружить рабочих верхи «АГ Везер» – они пришли на работу с оружием, которое получили в казармах матросов-подводников.²³ В кино и ресторанах людей призывали собираться для защиты города у ратуши или в казарме 75-го полка. 31 января у ратуши раздавали оружие рабочим. Однако в городе царила неразбериха, так советская власть еще не смогла подчинить себе весь государственный аппарат. Например, одного из получивших у ратуши винтовку рабочего остановил полицейский и препроводил в участок, так как рабочий не смог предъявить раз-

²² Сам Носке называл себя «кровавой собакой», характеризуя таким образом свою роль при подавлении революционного движения в Германии в 1918–1919 гг.

²³ Kuckuk R, Bremen in der Deutschen Revolution 1918–1919, Bremen, 1986. S. 249.

решение на ношение оружие. Винтовку у него отобрали.

Когда народный комиссар советского Бремена Херольд потребовал, чтобы все полицейские, свободные от службы, передали пистолеты рабочим, ему ответили, что это сложно. Мол, все пистолеты в сейфах, а ключи от них трудно быстро найти(!) Даже когда правительственные войска вступали в Бремен, депутаты Совета вели дебаты о том, стоит ли для защиты города выдавать населению оружие и есть ли альтернатива вооружённым действиям.

Несмотря на то, что подавление революции в Бремене было встречено стачками и рабочими волнениями в Гамбурге, Ольденбурге, Куксхафене, Бремерхафене, никакой конкретной помощи советский Бремен так и не получил. Несколько сотен добровольцев-коммунистов из Гамбурга, возглавляемых Эрнстом Тельманом, до Бремена не смогли добраться, а вооружённый отряд из Бремерхафена прибыл слишком поздно и вынужден был отступить.

Части рейхсвера и «корпуса Каспари» начали наступление на Бремен 4 февраля 1919, примерно в 10:15, двумя колоннами вдоль рек Везер и Аллер. В результате ожесточённого, но неуправляемого никем сопротивления горожан, в перестрелке погибли со стороны правительственных войск 24 солдата, со стороны республики 28 вооружённых рабочих, а также гражданские лица: 18 мужчин, 5 женщин и 6 детей. К 21:00 город был взят. Революционные власти в Бремерхафене были свергнуты 8–9 февраля 1919 года.

После падения Бременской Советской Республики в городе было создано временное правительство, преимущественно из представителей СДПГ. Первым же своим указом оно позаботилось о создании регулярных правительственных войск. В отличие от массовых расстрелов и казней, ознаменовавших конец Баварской советской республики, при и после подавления революции в Бремене экзекуций практически не было – лишь один рабочий был застрелен «при попытке к бегству».

Некоторые деятели республики, такие, как Адам Фразункевич и Курт Штёрмер, перешли на нелегальное положение. Альфред Хенке уехал в Берлин, где стал депутатом Национального собрания. Художник Генрих Фогелер, участвовавший в работе советской республики, был арестован.

Комендантом «белого» Бремена стал полковник Герстенберг, передавший власть временному правительству под руководством Карла Дейхмана.

Оно сразу же ввело осадное положение в городе и земле Бремен, запретило журнал КППГ «Дер Коммунист» и вернуло СДПГ газету «Бремер Бюргер Цайтунг». 6 февраля 1919 года к руководству Бременом вернулся Городской сенат. 9 марта 1919 года, в обстановке перманентного террора и запугиваний, было избрано Бременское национальное собрание, которое начало работу 4 апреля.

В заключение следует отметить, что Бременская советская республика была единственным советским образовани-

ем в Германии, которое смогло взять и удержать власть на всей административной территории немецкого региона. Например, Баварская советская республика, несмотря на свое название, смогла утвердиться лишь в столице Баварии – Мюнхене.²⁴

Память о советском Бремене живет в Германии и поныне. Еще во времена Веймарской республики сотни людей (в основном коммунисты) чтили память республики каждый год 4 февраля.²⁵ В 1922 году на могиле павших защитников республики на собранные обычными гражданами деньги был установлен памятник работы скульптора Бернгарда Хётгера. В его открытии приняли участие 8 тысяч бременцев. Этот памятник был разрушен нацистами 30 января 1933 году – в день назначения Гитлера рейхсканцлером. С 1949 года ежегодные манифестации памяти 4 февраля возобновились.

Вплоть до наших дней ежегодно 4 февраля почтить память революционеров собирается несколько тысяч человек. В 1972 году на месте разрушенного памятника был установлен новый монумент работы Георга Аффмана. Как правило, организатором ежегодной церемонии 4 февраля является «Общество лиц, преследовавшихся при нацизме». (Vereinigung der Verfolgten des Naziregimes). 1 февраля 2009 года немецкие профсоюзы устроили торжественное празд-

²⁴ О революции в Баварии в 1918–1919 г. см, например, *Revolution in Bayern 1918/1919*, München, 1967

²⁵ Всех погибших защитников республики похоронили 4 февраля 1919 года

нование 90-й годовщины Бременской советской республики. С приветственным словом к собравшимся обратился обер-бургомистр Бремена Ханс Кошник (СДПГ).

Таким образом, память о советской республике в Бремене живет в этом городе и поныне.

Откуда «есть пошла» пятиконечная звезда

Вооруженные силы Российской Федерации по праву гордятся своим символом — пятиконечной красной звездой. Именно под этой поистине счастливой для нашей армии звездой была одержана историческая победа в Великой Отечественной войне, спасшая все человечество от фашистской тирании.

Этот символ присутствует на гербах и флагах, а также на воинских знаках отличия множества государств. Пятиконечная звезда (белая) является, например, опознавательным знаком боевой техники вооруженных сил США.

В чем же секрет популярности и притягательности пятиконечной звезды для столь разных по своей истории и национальному характеру стран и народов нашей планеты?

Пятиконечная звезда образована соединением линий одинаковой длины под углами в 36° в каждой точке. Продолжение линий внутрь звезды до схождения линий вместе дает пентаграмму. Пятиконечная звезда всегда была важным религиозным и идеологическим символом, и потому широко используется и по сей день.

Пятиконечная звезда считается одним из старейших символов-идеограмм человечества. Древние изображения пя-

тиконечной звезды найдены во всех точках возникновения первых человеческих цивилизаций – от Палестины до Японии. Ее изображения прослеживаются на протяжении более пяти тысяч лет. Первые изображения пятиконечной звезды на глине найдены в древнем шумерском городе Урук и их возраст датируют примерно 3500 годом до н. э. Шумерская цивилизация, как известно, является самой древней на нашей планете. Популярным мотивом была пятиконечная звезда и в Древнем Египте.

Саамы нашего Севера издавна считали пятиконечную звезду своим главным оберегом. В Древнем Вавилоне печати со звездой вешали на дверях складов, так как верили, что пентаграмма предохраняет товары от порчи и краж. Засвидетельствована пятиконечная звезда и у американских индейцев.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что этот символ – самый универсальный и широко распространенный на нашей планете. Есть гипотеза, что это связано с тем, что пятиконечная звезда символизирует пять растопыренных пальцев – понятный для древних людей образ, так зримо отличавший их от любого животного. Леонардо да Винчи, как известно, сравнивал пятиконечную звезду с изображением человека с распростертыми руками и расставленными широко ногами – то есть гений итальянского Возрождения видел в звезде символ человека как венца природы.

Известный греческий математик и мыслитель-энциклопедист Пифагор утверждал, что пятиконечная звезда, или, как он её называл, «гигиея» (в честь греческой богини здоровья Гигии – отсюда наш термин «гигиена») представляет собой математическое совершенство, так как таит в себе «золотое сечение» ($\phi = 1,618$). Многие считают «золотое сечение» магической цифрой всего мироздания – якобы именно с применением этой цифры были построены великие египетские пирамиды. Итальянский средневековый математик Фибоначчи выстроил свой известный бесконечный ряд чисел (1, 1, 2, 3, 5, 8 и т. д. – следующее число ряда есть сумма двух предыдущих) – если последующее число ряда поделить на предыдущее, то получится «золотое сечение». С помощью «чисел Фибоначчи» сегодня прогнозируют курсы валют и прочих биржевых активов, причем подчас весьма успешно.

Последователи Пифагора полагали, что пятиконечная звезда символизирует пять элементов, из которых сотворен мир – воду, огонь, воздух, землю и эфир. Пятиконечную звезду считали и символом Венеры (как богини любви, так и названной в ее честь планеты).

Так как пятиконечную звезду можно нарисовать не прерываясь, и в конце вернуться к отправной точке начала рисунка, то эту звезду еще считают символом круговорота в природе.

Звезду пяти лучей почитают главные мировые религии.

В христианстве пятиконечная звезда символизирует пять

ран Иисуса (терновый венок на голове и раны от гвоздей на руках и ногах при распятии) или пять радостей Марии, которые ей доставило служение и совершенствование Христа. Не случайно, что пятиконечная звезда широко используется христианами (наряду с восьмиконечной вифлеемской) для украшения рождественских елок. Есть христианские храмы, сечение которых представляет собой пятиконечную звезду. Многие страны христианской исторической традиции – от Италии до США – украсили пятиконечной звездой свои гербы и флаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.